

РОБЕРТ Л. АНДЕРСОН

РОБЕРТ Л. АНДЕРСОН
СТРАНА СНОВ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
А65

Серия «Настоящая сенсация!»

Robert L. Anderson

DREAMLAND

Перевод с английского *О. А. Мышаковой*

Компьютерный дизайн *В. А. Воронина*

Печатается с разрешения литературных агентств
Foundry Literary + Media и Andrew Nurnberg.

Андерсон, Роберт Л.

А65 Страна снов : [роман] / Роберт Л. Андерсон ; [пер. с англ. О. А. Мышаковой]. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 320 с. — (Настоящая сенсация!).

ISBN 978-5-17-093621-2

Можно ли проникать в чужие сны?

Да. Но очень немногие знают, как...

И эти избранные должны соблюдать три главных правила:

1. Не вмешиваться.

2. Не показываться.

3. Не входить в сны одного человека дважды.

Деа всегда выполняла эти правила. Пока не встретила Коннора — своего нового (и очень симпатичного!) соседа.

В его снах слишком много загадок и страхов. И чем чаще Деа входит в его кошмары, тем ближе он ей становится... Однако за нарушение правил всегда нужно платить, и вскоре чудовища из снов Коннора начинают охотиться за Деа.

Граница между сном и реальностью все тоньше... И в конце концов придется выбрать, на какой стороне остаться.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Robert L. Anderson, 2015

© Перевод. О.А. Мышакова, 2016

ISBN 978-5-17-093621-2

© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

*Стивену Барбаре — за несравненную
крутизну и веру в эту книгу.*

Филдинг и окрестные поселки — Марборо, Пеллстон, Вапачи-Фоллз и Девитт — созданы моей фантазией. Выдуманный Филдинг находится в нескольких милях от реально существующего Блумингтона, Индиана: мне показалось интересным разместить города в реальном ландшафте и перемещаться между ними, как Деа между реальностью и миром снов. Однако я приношу извинения за возможную путаницу.

ЧАСТЬ I

*Все, что зрится, мнится мне,
Все есть только сон во сне*.*

Эдгар Алан По

Потом Деа во всем винила Тоби. Конечно, сваливать вину на кота несправедливо и вообще инфантильно, но ведь жизнь — это цепная реакция: искра — и взрыв.

Вот именно — взрыв.

Если бы Тоби не прорвал когтями сетчатый экран, она не познакомилась бы с тем-то и тем-то, никогда не сказала бы то-то и то-то, не сделала бы того и этого, и так далее. Она до сих пор корпела бы над домашними заданиями по алгебре в Филдинге, Индиана, ее бы выбирали последней на физкультуре и игнорировали в столовой.

Забавно, но Филдинг, штат Индиана, уже не кажется законченной дырой. Или это стало уже не важно после полицейских и исчезновения, после людей без лиц и города в песках.

После того как в зеркале появились монстры.

И особенно после Коннора.

* Перевод К. Бальмонта. (Здесь и далее — прим. пер.)

Глава 1

— Лохушки! — Пустая банка колы срикошетила от рюкзака Одеа в грязь. Из машины донесся дробный смешок, похожий на птичий щебет. Пикап Уоллеса Такера, подскакивая на ухабах, пронесся мимо по Девятому шоссе, разбрызгивая грязь из-под колес и выбрасывая из выхлопной трубы сизую струю.

— Спасибо! — крикнула Голлум. Она подняла банку и вытряхнула капли газировки. — Предусмотрительно, — сказала она Деа. — Жаль только, нам не оставили.

— Ну, это они случайно, — сказала Деа.

— При дрянном характере у этой Хейли неплохая меткость. Может, ей в баскетбольную команду записаться?

Деа прыснула. По слухам, единственным спортом для Хейли Мэдисон было показывать разные части своей анатомии распаленным старшеклассникам, бегая под трибунами вокруг баскетбольной площадки. Голлум единственную в Филдинге любила еще меньше, чем Деа: ее невозможно было вывести из себя — она все обращала в шутку.

Голлум выросла на полунищей ферме с пятью братьями. «Погребешь дерьмо лопатой в пять утра в декабре, — говаривала она, — научишься не брать в голову».

Они двинулись дальше. Сентябрь выдался жаркий: кукурузные стебли на полях пожухли, трава выгорела, и редкие брызги белых полевых цветов казались пеной на поверхности золотого океа-

на. Небо казалось бледным, почти белым, словно запыленным.

Даже по меркам Филдинга Одея Донахью с матерью жила в медвежьем углу: рядом было всего четыре дома. Среди соседей числились старый алкоголик, практически не выходивший на улицу, Дэниел Роббинс, у которого на заборе из мелкаячеистой сетки висел десяток табличек «Частная собственность», и семейство Уорренби со своей молочной фермой площадью больше трехсот акров («И все бросовые», — приговаривала Голлум). Большой особняк в колониальном стиле напротив дома Деа пустовал еще до их появления в Филдинге.

Но сегодня его двор оказался заставлен картонными коробками и закутанной в пленку мебелью, а на подъездной дорожке стоял большой грузовой фургон. На крыльце женщина перебирала коробки, что-то ища. При виде Деа она выпрямилась и улыбнулась. Новая соседка была в джинсах и белой футболке, светлые волосы стянуты в аккуратный хвостик.

Женщина не успела начать разговор — откуда-то из комнат послышался мужской голос, и она ушла в дом. Деа вздохнула с облегчением. Не скажешь же в качестве приветствия: «Добро пожаловать в Филдинг, прыщ Индианы, где даже звери под машины бросаются».

— Слушай, они не заблудились? — спросила Голлум, поправив очки. Она носила либо чужие обноски, либо бесплатную одежду из магазина Армии спасения, и все ей было мало, велико либо откровенно немодно. Прозвище Голлум прилипло к Эли-

нор Уорренби в третьем классе, когда она много дней подряд приходила в школу в футболке старшего брата с картинкой из «Властелина колец». Когда она рассказала об этом Деа, та простодушно удивилась, почему Элинор не надела что-нибудь другое. Голлум посмотрела на нее как на чокнутую и прищурилась за своими слишком большими очками: «А откуда у меня другое?» Деа стало ужасно неловко.

— Может, подсказать им бежать отсюда? — спросила Деа, и на этот раз засмеялась Голлум — зычным смехом, неожиданным для такого шуплого создания.

Они дошли до калитки Деа, полускрытой листвою и жимолостью. Маленькая медная табличка, привинченная к дереву, едва виднелась из-под густой зелени: «Исторический памятник, построен в 1885 г., отреставрирован в 1990 г.»

— Если в выходные тебе станет скучно... — Голлум привычно не договорила, оставив приглашение невысказанным: «... до меня идти две минуты». С января, когда Деа приехала в Филдинг посреди учебного года, они с Голлум вместе ходили на автобус и возвращались домой, сидели рядом на уроках и в столовой, но ни разу не гуляли после школы и практически не виделись летом.

Почему, Деа объяснить не могла. Это ее вина — и проблема.

— Скучно? В Филдинге? — Деа притворилась шокированной. — Никогда! — Ей не хотелось придумывать предлог, но Голлум никогда не настаивала, и это Деа нравилось в ней больше всего.

Дом, где жила Деа Донахью, был точной копией фермерского, стоявшего на этом месте сто лет назад. Все воссоздали в первозданном виде, даже силосную башню, притом что от оригинального дома не уцелело ни щепки. Музей просуществовал два десятилетия, но закрылся задолго до приезда Деа с матерью: видимо, никому не хотелось бродить по прошлому, неотличимому от настоящего, или по настоящему, неотличимому от прошлого.

Симулякр — вот как это называется. Этому слову Деа научила мать. Мириам любила самые разные симулякры-имитации: пластиковые суши, неотличимые от настоящих, чайники, скрытые внутри гипсовой курицы на насесте, часовые циферблаты, которые на самом деле оказывались шкафчиками.

Как обычно, мать заперла дверь на три замка, и, как обычно, Деа порядком намучилась с тремя ключами. В Кливленде, в Чикаго, даже во Флориде она еще могла понять мамину идею фикс насчет замков, барьеров, планов отхода и вариантов на черный день, но здесь, в Филдинге, где худшим преступлением было смея ради повалить корову, это казалось бессмысленным.

Впрочем, бессмыслица была родной стихией Мириам. Деа даже фантазировала, как однажды к ним в дверь постучат ученые, увезут их с матерью в лабораторию для экспериментов и выделяют ген сумасшествия, наследственный выверт в двойной спирали, непредусмотренную серповидную форму.

В коридоре было прохладно, темно и пахло розмарином. Тишину нарушало лишь тиканье десятка старых часов. Мириам обожала часы и возила их с

собой по всем съемным квартирам. Деа чувствовала себя крокодилком из «Питера Пэна» с тикающими часами в животе, от которых никуда не уйти. Порой ее сердце начинало биться в унисон с часами.

Объявлять о своем возвращении Деа не стала — обычно днем Мириам уходила, хотя дочь не представляла, чем та занимается. Мать с большой pompой поступала на очередную должность — и вскоре тихо уходила с нее. Наскоро отпраздновав — «Я теперь секретарь на ресепшене!», она выпивала бокал шампанского и ехала в ближайший молл за туфлями и костюмом для новой должности. Иногда Деа казалось, что мать ищет работу только для того, чтобы принарядиться и притвориться кем-то другим.

Но через неделю-другую удобные туфли на плоской подошве возвращались в шкаф, машина оставалась у дома гораздо позже девяти утра, и ламинированное удостоверение сотрудника каких-нибудь «Охранных систем “Сан”» или «Юридических консультаций Томпсон и Айвз» с фотографией улыбающейся матери Деа находила в мусорном ведре под тонким слоем гнилого латука. Начинались недели суровой экономии: готовые обеды для микроволновки из магазинчика на заправке, внезапные поездки, чтобы не платить просрочку за квартиру, дешевые мотели, где обитали в основном наркоманы. Деа не знала, за что мать всякий раз увольняли, и подозревала, что Мириам просто надоедало и она прекращала ходить на работу.

В глубине холодильника, за бутылкой с высохшими остатками кетчупа и куском плесневелого чеддера, Деа отыскала маринованные огурцы и вышла с

банкой на заднее крыльцо, свое любимое место в доме. Ей нравились широкие белые перила и изгиб, напоминающий гордый нос корабля, старая плетеная мебель и облупленные железные столы. Деа присела на садовые качели, наслаждаясь ощущением пятницы: целых два дня без школы. Она думала о выходных как о геометрической форме, длинной волне-синусоиде. Сейчас она едет вверх по первому изгибу, далеко от тоскливого берега школы.

Иногда, сидя на крыльце, она представляла себе иную Одея, живущую на другой ферме — или жившую много лет назад, когда здесь действительно была ферма. Та Деа тоже сиживала на качелях, отталиваясь одной ногой. Занимательно представлять себе разные судьбы, стиснутые вместе или налипшие поверх друг друга, как шарики пенополистирола в коробке, но при этом отдельные, и каждая в своей реальности.

Интересно, альтернативная Одея тоже любит маринованные огурцы?

Она вздрогнула от внезапного шелеста крыльев. На перила слетела черная птица, пропрыгала несколько дюймов и наклонила голову, глядя на Деа. На животе птицы красовалась большая ярко-красная клякса, будто она побывала в банке с краской.

— Привет, — Одея извлекла из банки огурец. Вряд ли птицы любят огурцы, но попытка не пытка. — Будешь?

Птица отскочила. Ее глаза напоминали два темных камушка.

Деа любила птиц. Птицы — вестники; это слово она тоже узнала от матери. В словаре «вестник»

определялся как «человек, который идет впереди и оповещает о приближении другого; герольд. Производное от *в.* “предвестник” означает предзнаменование, предостерегающее о грядущем событии».

Во снах птицы играли очень важную роль. Деа часто на них полагалась — птицы показывали дорогу назад. Сны путанные, изменчивые: иногда обернешься — и видишь, что коридор за спиной уже блокирован неизвестно откуда взявшейся стеной или резкой переменной пейзажа. Но птицы знали путь обратно — надо просто идти за ними.

— Голодный? — Деа снова попробовала поднести огурец незваной гостье.

Слева метнулся темный пушистый ком, и птица с криком вспорхнула с перил, увернувшись от неуклюжего прыжка Тоби. Кот плашмя грохнулся на ступеньки и кинулся в сад, словно надеясь, что птица передумает и влетит ему прямо в пасть.

— Тоби! — Деа вскочила, но кот уже скрылся из виду. Она пошла за ним, отводя тяжелые цветущие ветви, огибая кусты хризантем и пучки цинний, росших прямо на дорожке. Сад напоминал ей сны: нереально яркие краски и дурманящие ароматы, убаюкивающие, как колыбельная.

Тоби пролез под низеньким сгнившим штакетником, отделявшим сад от дороги. Деа уже давно не ходила в сны — может, целую неделю — и ощущала слабость. По лицу катился пот, сердце болезненно колотилось, хотя шла она не очень быстро.

Тоби прыгнул, как пружина, едва хозяйка подошла поближе, и битых десять минут Деа ловила кота у самого пруда Бернетт, где, строго говоря, начинал-

ся участок Уорренби (Голлум говорила, что они используют лишь четвертую часть своей земли).

— Попался, негодник, — сказала Деа, подхватывая Тоби. Кот был тяжелый, как толстый теплый коврик. — Твое счастье, что ты красавец, а то утопила бы тебя в пруду!

Кот лизнул Деа в подбородок.

Минуту она постояла, чтобы отдышаться, держась подальше от воды. От солнца пруд прикрывали густые кроны сосен и сикамор — редкое исключение в краю пожухших, сожженных солнцем бескрайних полей, тянувшихся насколько хватал глаз. В пруду отражались темно-пурпурные и зеленые тени.

Деа уже хотела вернуться, когда заметила красные шорты и шлепанцы, аккуратно сложенные на берегу. Она огляделась и заметила на дальнем конце пруда рябь и темный силуэт, который сперва приняла за животное. Но из воды вертикально поднялась рука, очертила полукруг, затем другая.

Она засмотрелась, как всегда, когда кто-то плыл. Парень не спеша пересекал пруд, создавая маленькую волну. И вдруг — Деа не успела отвернуться — он встал на дно и выпрямился.

У него было хорошее лицо — красивое, но не слащавое. Мокрые волосы слиплись колючками, нос кривой, будто сломанный. Волевой, чуть великоватый подбородок придавал лицу упрямое выражение.

— М-да, неловко, — сказал он без предисловий.

— Извини, — заторопилась Деа, сообразив, что ее можно принять за любительницу подглядывать